

Мысль о том, что царствование Петра явилось поворотным пунктом в истории России, когда ход государственного корабля резко изменился и при этом исключительно по воле державного властелина, вошла в сознание людей XVIII и первой половины XIX в. как непреложная история.

Эта «непреложная история» признавалась в равной степени как поклонниками Петра, так и его противниками – западниками и славянофилами (употребляя старую терминологию). Она была распространена в самой царствующей семье (особенно у Елизаветы Петровны, Екатерины II, Николая I) и в народе. Она проникла в литературу и фольклор, в официальную историографию и в легенды о царе-анархисте.

Это представление о царе-кормчём, о царе-шкипере было связано с целым образом Петра: царя-плотника, царя-труженика, царя-ученого и учащегося, царя-преобразователя.

Сам Петр позаботился о том, чтобы создать о себе именно такое представление.

Петр постоянно говорил, что он труженик. В своей автобиографической записке он писал, что изучил в Голландии те «художества», которые надлежит «доброму плотнику знать». Петр подчеркивал свое гражданственное служение России, свое бесстрашие, народолюбие, любовь к наукам и пр.

Петр чувствовал, что находится в поле зрения не только своего народа, но и всей Европы. И он умел придать своим преобразовательным начинаниям демонстративный характер. В нем была своего рода артистичность. И гигантская фигура Петра действительно заслонила собой историческую перспективу.

Только по мере удаления от петровской эпохи стали возможны более трезвые оценки Древней Руси и всего исторического развития России.

Петру бесспорно принадлежит смена всей «знаковой системы» Древней Руси. Он передел армию, передел народ, сменил столицу, перенес ее на Запад, сменил церковнославянский шрифт на гражданский, он демонстративно нарушил прежние представления о «благочестивейшем» царе и степенном укладе царского двора, не только внес в дворец рабочие инструменты и станки, но и заведя «всешутейший и всепьянейший собор», общаясь с шкиперами и плотниками, работая на верфях и выполняя обязанности бомбардира. Он разрушил церемониальность и степенность иными темпами жизни, создал новые представления и о времени, и о пространстве. Он ходил быстро, ездил скоро и на большие расстояния, решал дела на ходу и в походах.

Петр сознательно стремился к тому, чтобы оборвать связи со старой Россией. Сохранившемуся же он придавал отличные от прежних формы.

Карамзин в речи, произнесенной в 1818 г. в Российской академии сказал: «Петр Великий, могучею рукою своею преобразовав отечество, сделал нас подобными европейцами, жалобы бесполезны. Связь между умами древних и новейших россиян прервалась навеки».

А вот позиция современного автора: «В XVIII столетии русская литература порвала с древними национальными литературными формами. Следовательно, здесь не первый план выплывают различия, а не общность».

Действительно ли Петр и его эпоха были перерывом между старой и новой Россией? Действительно ли культура новой России пошла целиком за Западом, оборвав традиции и зачеркнув все наследие старой Руси?

Уже в XIX в. в этой точке зрения стали сомневаться историки русской литературы – А. Н. Пыпин, В.М. Истрин, А.И. Соболевский. Но и эти ученые не

сомневались в том, что перерыв был, что он был вызван «западным влиянием». Речь шла только о том, чтобы этот «перелом» рассматривать на протяжении более длительного времени.

Между тем изучение закономерностей развития древнерусской культуры приводит нас к совершенно отчетливому представлению о том, что в течение нескольких веков, а не одного только XVII в. шел процесс перехода к новому этапу в развитии русской культуры со всеми его общеевропейскими чертами и особенностями.

В древнерусской литературе может быть отмечено несколько линий развития, приведших в конечном счете к появлению культуры нового времени. Среди этих линий на первом месте находится линия, связанная с проявлением личностного начала во всех видах творчества и в самых разнообразных формах.

Личностное начало, признание ценности человеческой личности, индивидуальные черты в стиле произведений, в характере творчества, приведшие к появлению гениев и талантов, профессионализация искусства, секуляризация культуры и т.п. – все эти ренессансные явления возникли на Руси постепенно, в течение нескольких веков и не были обусловлены четко выраженной эпохой Ренессанса.

Переход от Средневековья к новому времени обычно совершается через Ренессанс. И хотя в России не было Ренессанса, однако в ней все же имелись заторможенные ренессансные явления, которые функционировали в течение очень длительного времени – начиная с конца XIV в. Так, барокко XVII в. тоже приняло на себя некоторые ренессансные функции, поскольку ему не предшествовал «нормальный» Ренессанс. Западное влияние в русской культуре в целом, и в литературе в частности, которое казалось раннее причиной перехода русской культуры на новые рельсы, на самом деле было следствием этого перехода.

Развитие индивидуального, личностного начала в творчестве, отход от средневековой традиционности, потребность в упорядоченных естественнонаучных знаниях, специализация и профессионализация всех видов творчества, постепенная секуляризация культуры и многое другое – все это и сделало возможным появление западных форм культуры.

В ренессансных началах западное влияние нашло благоприятную почву и основу. Будучи следствием развития ренессансных явлений, оно в свою очередь ускорило переход от культуры средневекового типа к типу культуры нового времени.

Аналогичным образом следует рассматривать и эпоху Петровских реформ. Петровские реформы были подготовлены не только отдельными явлениями XVII в. Они явились закономерным результатом всего развития русской культуры, начавшей переходить от средневекового типа к типу нового времени.

Закономерным был разрыв и во всей средневековой «знаковой системе» культуры, произведенный Петром. Переход до него неосознанный теперь стал осознанным. Осознание перехода и заставило сменить «систему законов»: надеть европейское платье, новые мундиры, «скоблить» бороды, реформировать всю государственную и военную терминологию на европейский лад, признать европейское искусство. И эта смена «знаковой системы» ускорила развитие новых явлений в культуре.

Вопрос о том, что процессы, происходившие при Петре, могли совершиться и без Петра, поставил еще в XVIII веке историк М.М. Щербатов.

Он высчитал, что для проведения таких реформ без Петра понадобилось бы семь поколений и что тогда преобразование в России закончилось бы только в 1892 г. В известном смысле Щербатов был прав. Исторические процессы без выдающихся исторических личностей не изменили бы своего направления, но были бы сильно замедлены; при этом замедлен был бы процесс перехода русской культуры от средневекового типа к типу культуры нового времени.

Однако сами исторические личности, как известно, являются порождениями закономерных процессов. В этом смысле и Петр в качестве своеобразного ускорителя процесса перехода русской культуры к типу культуры нового времени был порождением этого процесса.

Петр как личность был типичным порождением русской культуры конца XVII в. Уточняя, мы могли бы сказать, что он со всеми его противоречивыми чертами был порождением русского барокко конца XVII в., в котором особенно сильны были ренессансные явления: склонность к просветительству и реформаторству, к научному отношению к миру, к известному барочному «демократизму», к синтезу наук, ремесел и искусств, к характерной для русского барокко энциклопедичности образования, к барочному представлению о государственности и долге монарха перед своей державой и ее подданными, к пониманию истории как цепи исторических событий и поступков, чувствительности к западным, европейским влияниям и т.д. Даже сама мысль Петра о переходе просвещения из одной страны в другую по часовой стрелке, высказанная им в его речи при спуске корабля «Илья пророк», была типично барочной.

В просветительной поэзии Симеона Полоцкого, Кариона Истомина, Сильвестра Медведева мы могли бы встретить многие идеи Петра.

Именно потому, что Петр был не исключением, а в известной мере закономерным порождением исторического процесса, он мог бы найти себе достаточное число сподвижников и при этом не в одной Москве.

От барокко в Петре были многие черты его характера: склонность к учительству, уверенность в своей правоте, «богоборчество» и пародирование религии в сочетании с несомненной религиозностью, доброта и жестокость и многое другое, что определяло противоречивость его натуры.

Эпоха петровских реформ была подготовлена разными линиями развития русской культуры, многие из которых восходят еще к XIV в. Не один XVII в. подготовил собой переход к новому времени, но все развитие русской культуры. Петровская эпоха только потому была воспринята как кульминационный пункт этого перехода, что именно в это время произошла смена «знаковой системы». Обращение к Западу было не существом процесса, а лишь его естественным порождением.

Однако черты старого сохранились и в XVIII, и в XIX в. Многие особенности культуры этого времени были логическим следствием развития русской культуры XVII столетия и предшествующих веков.

Чем больше мы изучаем изменения и развитие русской культуры в XIV-XVII вв., с одной стороны, и ее судьбу в новое время – в XVIII-XIX вв. – с другой, тем отчетливее цельность всего процесса. В этом цельном процессе эпоха петровских реформ была эпохой «осознания» совершающегося и поэтому эпохой очень важной, но не вносящей ничего катастрофического в развитие русской культуры.

Дальнейшее изучение этих процессов, подспудно совершившихся в русской культуре, укрепит это положение и поможет нам по-настоящему понять эпоху петровских реформ.